

ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата исторических наук Обухова Сергея Владимировича
на тему: «Пантеон и царский культ в Коммагене в эпоху Митридата I
Каллиника и Антиоха I Теоса»
по специальности 07.00.03 – «Всеобщая история (История Древнего
мира)»

Царский и династический культ является одной из наиболее характерных черт эллинистического мира, причем самые яркие археологические и эпиграфические свидетельства его существования обнаружены в Коммагене – небольшой области в юго-восточной Анатолии, никогда не игравшей сколько-нибудь серьезной роли среди государств, возникших на развалинах империи Александра Македонского. Особая значимость исследования пантеона и царского культа Коммагены I в. до н.э. состоит также в том, что происходящий оттуда материал позволяет лучше понять механизм возникновения этого явления в целом. Таким образом, С.В. Обухов избрал для своего исследования весьма значимую, **актуальную** и при этом – недостаточно изученную в нашей науке тему.

Научная новизна работы заключается, в первую очередь, в том, что, в отечественной историографии до сих пор не имеется сколько-нибудь цельного, обобщающего труда, в котором на обширном материале эпиграфических и археологических источников рассматривалась бы проблема, связанная с религиозными культурами, идеологией и почитанием царя в эллинистической Коммагене. Более того, вопросы, связанные с данной темой, разработаны далеко не в достаточной степени и в зарубежной науке. Особенно это касается культов коммагенского пантеона в эпоху Митридата I и Антиоха I.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту, опираются на комплексный анализ значительного объема использованных данных, полученных в результате изучения разнообразных по природе источников:

прежде всего, археологических и эпиграфических, в меньшей степени – письменных и нумизматических. Подробная характеристика использованных диссертантом археологических и эпиграфических источников дается во **Введении** (с. 18–27). Вместе с этим, вызывает сожаление тот факт, что во Введении (да и в остальном диссертационном исследовании) не нашлось места для характеристики «Авесты» и царских надписей Ахеменидов, на анализе которых основывается С.В. Обухов при реконструкции культов и функций божеств коммагенского пантеона.

Обзор научной литературы, который также дается во **Введении** (с. 27–46), достаточно полон. При написании диссертации учтены все основные, в том числе – и новейшие, публикации по теме исследования. Вместе с тем, при анализе материалов, относящихся к другим территориям или эпохам, выбор литературы диссертантом не всегда является оптимальным. Так, при работе с терракотами из Средней Азии было бы более продуктивным основываться на монографии: Двуреченская Н.Д. Терракотовая пластика древнейших государств Средней Азии IV в. до н.э. – IV в. н.э. СПб., 2016; при использовании парфянских монет – на монографии: Sellwood D.G. An Introduction in the Coinage of Parthia². L., 1980. Наконец, работая с нумизматическим материалом греко-бактрийского и кушанского периодов, нельзя обойтись без трудов: Woppearachchi O. Monnaies Gréco-Bactriennes et Indo-Grecques. P., 1991; Woppearachchi O. Some Observations on the Chronology of the Early Kushans // *Res Orientales*. 2007. Vol. XVII.

В **первой главе** диссертации, состоящей из шести параграфов, рассматриваются божества коммагенского пантеона I в. до н.э.: Зевс-Оромазд, Аполлон-Митра-Гелиос-Гермес, богиня Коммагена, Артагн-Геракл-Арес, Аполлон-Гелиос, анализируются их функции, выявляются причины религиозного синкретизма и дается общая характеристика коммагенской официальной религии данной эпохи. Здесь же автор рассматривает существующие концепции о роли зерванизма в религии античной Коммагены и разбирает вопрос о причинах переориентации

Антиоха I с преимущественно эллинских божеств на греко-восточные (в первую очередь, иранские) в 50–40 гг. до н.э.

Во **второй главе**, разделенной на четыре параграфа, рассматриваются вопросы, связанные с предпосылками возникновения царского культа в эпоху Митридата I, царским и династическим культами Антиоха I, храмовым персоналом, обслуживающим святилища царского и династического культа, а также анализируется титулатура и иконография Антиоха Коммагенского и царских предков из Нимруд-Дага и других памятников.

Основные научные положения, выносимые диссертантом на защиту, представляются вполне обоснованными и, несомненно, заслуживают внимания. Наиболее ценными среди них являются взгляд на официальную религию Коммагены как на сплав иранских и эллинских элементов при определенном влиянии анатолийско-семитского субстрата, объяснение практически полного отказа от эллинской составляющей в коммагенской официальной религии попыткой Антиоха I выйти из-под политического контроля Рима, тезис об отсутствии в Коммагене иранского зерванизма, утверждение о греко-иранской основе царского культа Антиоха I.

Вместе с тем, следует высказать и ряд претензий к выдвинутой на защиту работе. Как уже отмечалось, особое внимание диссертант уделяет иконографии царя и коммагенских божеств, так как именно ее анализ позволяет сделать весьма важные выводы о сущности и роли того или иного культа в идеологии Антиоха I и отчасти – его отца Митридата I. Однако этот анализ не всегда является безупречным. Так, можно ли понимать наличие *барсома* (пучка из священных прутьев) в левой руке статуй Антиоха I из Нимруд-Дага, как указание на его «жреческие функции в маздеистском (?) культе» (с. 212)? Ведь *барсом* является атрибутом не только царя, но и статуй божеств: Зевса-Оромазда (с. 66) и Аполлона-Митры-Гелиоса-Гермеса (с. 97). Не указывает ли *барсом* на божественный статус самого царя и тех из его иранских предков, которые были с ним изображены?

Также непонятно, почему фрагмент мужской головы с диадемой, обнаруженный у Западной террасы Нимруд-Дага, автор считает принадлежавшим статуе Антиоха I (с. 214)? Ведь, как признает сам диссертант, этот фрагмент не похож на известные портреты царя – как на барельефах, так и у статуй. Кроме того, размеры фрагмента (50 см.) слишком малы, чтобы считать его частью царской статуи: у последних высота головы без тиары достигала 1 м. Наконец, у Западной террасы Нимруд-Дага и так была обнаружена голова Антиоха I в тиаре (с. 218). Сложно предположить, что на Западной террасе было сооружено целых две царских статуи, сильно различавшихся по размерам и иконографии. Скорее всего, фрагмент, черты лица которого напоминают портрет Александра Македонского (с. 215), мог принадлежать барельефу, изображавшего великого завоевателя.

Не ясно, от кого Антиох получил титул «Великий» (с. 209)? Явно не от Рима: Цицерон, будучи наместником Киликии, даже в своих официальных донесениях его так никогда не именуется (Cic. Fam. XV. 1, 2). Скорее, «Великим» Антиох провозгласил себя сам.

Довольно спорным представляется и тезис диссертанта, следующего в данном вопросе Й. Валдису (с. 39, 242–243), согласно которому надпись из Нимруд-Дага была адресована представителям правящего слоя, а не широким слоям подданных, т.к. коммагенское простонародье вряд ли хорошо владело греческим языком. Во-первых, практически современные декрету Антиоха I авроманские пергаменты свидетельствуют, что и при Аршакидах сделки между местными крестьянами, носящими иранские имена и жившими вдали от больших городов (современный Иранский Курдистан), фиксировались по-гречески. В целом, греческий язык был распространен в Азии значительно шире, чем это считалось прежде (Rougemont G. Grecs et non Grecs dans les inscriptions grecques d'Iran et d'Asie centrale // StIr. 2014. Т. 43 (1). P. 8–32; Балахванцев А.С. Новая надпись из Тахти-Сангина и некоторые проблемы восточного эллинизма // РА. 2014. № 4. С. 93–94). Во-

вторых, непонятно, зачем царю вообще была нужна такая пропаганда, которая сознательно ограничивала сферу своего воздействия.

Диссертант сомневается в том, что Антиох I заимствовал практику почитания греко-македонских и персидских предков у ранних Селевкидов (с. 249). Между тем, наличие в династическом культовом центре Селевкидов на Старой Нисе глиняных статуй мужчин и женщин в греческих и иранских (?) одеяниях, представлявших, по всей видимости, богов и богинь олимпийского пантеона, а также членов правящей династии, делает предположение о селевкидском источнике заимствования достаточно основательным. К тому же присутствие среди изображений предков Антиоха I женщин и предков по женской линии не имеет ничего общего с ахеменидской практикой и, скорее всего, также объясняется селевкидским влиянием.

Диссертационное исследование несвободно и от некоторых ошибочных утверждений. Среднеперсидский (пехлеви) и парфянский языки следует отличать друг от друга (с. 47). Число Амеша Спента («святых бессмертных», помощников Ахурамазды) равнялось шести (с. 49). Круглый храм Старой Нисы не являлся усыпальницей парфянских царей (с. 54). Ахалгорийский клад был обнаружен не в Западной Армении, а в Иберии, на территории современной Южной Осетии (с. 59). В надписи Дария из Хамадана нет никаких упоминаний о набегах саков: саки за Согдом обозначают в ней лишь крайний предел державы Ахеменидов (с. 61). В письмах Цицерона (Cic. Fam. XV. 1) ничего не говорится о пропарфянской ориентации Антиоха I: там лишь в общей форме сообщается о колебаниях среди римских союзников и подчеркивается истинность сообщенных коммагенским царем сведений о парфянском нашествии 51 г. до н.э. (с. 216).

Очень часто в работе встречаются опечатки. Однако перечисленные замечания не носят принципиального характера и не перечеркивают того в целом положительного впечатления, которое оставляет диссертация.

Оценка достоверности результатов исследования позволяет утверждать, что диссертация базируется на известных данных, проверяемых

фактах, дополняет и корректирует ранее опубликованные работы по теме диссертационного исследования.

Автореферат адекватно отражает содержание диссертации.

Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 07.00.03 – «Всеобщая история (История Древнего мира)» (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Обухов Сергей Владимирович заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – «Всеобщая история (История Древнего мира)».

Официальный оппонент:

доктор исторических наук,

с.н.с Отдела истории и культуры Древнего Востока

ФГБУН «Институт востоковедения РАН»

Балахванцев Арчил Савелич

Контактные данные:

Рабочий тел.: +7(495) 6217144, рабочий e-mail:

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация: 07.00.03 – «Всеобщая история (История Древнего мира)»

Адрес места работы: 107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12, Институт востоковедения РАН, Отдел истории и культуры Древнего Востока

Тел.: +7(495)6211884; e-mail: info@ivran.ru

